

ОБРАЗ СВЯТОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ (XII–XVI в.)

Основой древнерусской повествовательной традиции, посвященной св. кн. Ольге, является сказание, вошедшее в состав «Повести временных лет» под 945–969 г. С сокращениями и небольшими изменениями этот текст включается во все древнерусские летописи вплоть до обобщающих летописных сводов Московского царства XVI в. Кроме того, к нему же восходит «Слово о том, како крестится Ольга, княгиня русская», открывающее Киево-Печерский патерик в его «Феодосьевской» редакции конца XIV–XV в. С утверждением церковного почитания св. кн. Ольги создаются гимнографические и житийные тексты, прежде всего проложного типа, получившие распространение с XIII в. В XVI в. пространное житие св. Ольги послужило своеобразным вступлением к одному из программных текстов Московского царства — «Степенной книге», где, по нашему мнению, объединяются вышеназванные и летописная, и агиографическая, и гимнографическая традиции. Поэтому в своем исследовании образа св. кн. Ольги с точки зрения отражения в нем богородичных мотивов мы обратились, во-первых, к летописным текстам «Повести временных лет» (по Лаврентьевской летописи)¹ и Никоновской летописи (20–30-х г. XVI в.)²; во-вторых, к рукописным текстам Киево-Печерского патерика³ и проложных житий св. кн. Ольги⁴; в-третьих, к тексту «Канона на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира» Кирилла Туровского (XII в.)⁵ и, наконец, к «Степенной книге царского родословия» (нач. 60-х годов XVI в.)⁶.

«Повесть временных лет», завершая сказание об Ольге, сообщает о нетлении мощей княгини и утверждает ее молитвенное заступление за Землю Русскую перед Богом: **Мы же рцѣм к ней: «Радуйся, руское познание къ Богу, начатокъ примиренью выхом». Си первое вниде в царство небесное от Руси, сию во хвалят рустие сынове аки начальницу: ибо по смерти моляше Бога за Русь⁷.** Спасительная роль св. Ольги как «начинательницы русского примирения с Богом» в Повести окрашена семейственностью русского княжеского рода: молитва Ольги о народе русском — это прежде всего материнская молитва о сыне: **Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, ркѣщи: Воля Божья да будетъ; аще Богъ хоцетъ помилovati рода моего и землѣ Рускиѣ, да възложитъ имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ дарова. И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужьства его и до возраста его.** Говоря и о христианском имени княгини — Елена, автор подчеркивает параллель между Ольгой и матерью Константина Великого. Тема материнской любви и молитвы здесь, на наш взгляд, так же важна, как и тема богомудрости и целомудренности княгини, которую летописец называет «русским познанием к Богу». Неслучайно сказание в Повести изобилует ссылками на царя Соломона: **Се же высть, яко при Соломанѣ: приде царица ефиопская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знамяня: тако же и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости Божья.** Однако, несмотря на мотивы Премудрости и материнства, на наш взгляд, текст

¹ ПЛДР: XI — начало XII века. М., 1978. С. 68–82.

² ПСРЛ. М., 2000. Т. IX. С. 28–35.

³ РНБ. Соф. 1365. Патерик преподобных отец. XIV–XV вв. Л. 136–137 об.

⁴ РНБ. Q. п. I. № 63. Отрывок сборника (палимпсест). XIII–XIV вв. Л. 1–2.; РНБ. СПб.ДА. А1/264 (2). Пролог. XIV–XV вв. Л. 185; БАН. Архан. собр. Д. 8. ин. 4083. Пролог. XV в. Л. 306–306 об.; РНБ. ОЛДП. Ф. 474. Пролог (март — август). Нач. XVI в. Л. 206–206 об.; БАН. Собр. Никольского. № 267. Пролог (март — август). XVI в. Л. 220 об. — 221.

⁵ По изданию: *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. АН. СПб., 1907. Т. LXXXII. № 4. С. 88–94.

⁶ Из Степенной книги царского родословия // Библиотека литературы Древней Руси: XVI век. СПб., 2003. Т. XII. С. 322–377.

⁷ ПЛДР: XI — начало XII века. С. 78–82.

«Повести временных лет» не дает прямых оснований говорить о том, что в образе св. кн. Ольги находит отражение внутренний свет образа Богородицы, «теплой заступницы» за род человеческий. Безусловно, явная параллель с возгласом архангела Гавриила «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты в женах» (Лк. 1: 28) содержится в эпизоде крещения св. Ольги: **Просвѣщена же бывши, радовашеся душою и тѣлом; и поучи ю патрѣархъ о вѣрѣ, и рече ей: Благословена ты в женахъ рускихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьмѣ остави... Она же, поклонивши главѣ, стояше, аки гѣба напаяема, внимающи ученья.** Однако эта тема не получает развития в тексте сказания. Основной акцент здесь сделан на мотиве начала, знаменующего эпохальный переход от языческой Руси к христианской. Возможно, это определено идеологической концепцией Повести: образ Ольги-христианки в летописи не вполне самостоятелен, а представлен в системе отношений: Ольга — ее сын Святослав, Ольга — ее внук Владимир, где русские князья определяют два возможных пути: к Богу и против Бога.

В гимнографических же и житийных произведениях образ св. кн. Ольги является центральным, организующим весь текст. В «Каноне на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира» св. Кирилла Туровского уже достаточно, на наш взгляд, четко прослеживается внутренняя связь образа Богородицы и кн. Ольги, прежде всего на уровне композиционной структуры текста. Большинство песен канона построены по принципу кольцевой композиции — тема, начинающая ирмос и первый тропарь, почти всегда звучит и в последнем тропаре песни. Жанр канона предполагает, что последний из тропарей обязательно посвящен Богородице, и тем самым определяет образно-смысловое соответствие богородичных тропарей и тропарей, посвященных св. кн. Ольге:

Тропари, посвященные св. Ольге ⁸	Богородичные тропари
<p>1 песнь. Ирмос: Величаваго фараона въ мори потопи съ оружиемъ и всадники, и Израиля же люди прослави, Спасе, по суху проведъ. Тропарь: Величие наше и похвала ты еси Богомудрая. Тобою от идольския льсти свободихомся, и нынѣ молися за род и люди, ихъ же къ Богѣ привела еси</p>	<p>Богородичен: Исаия Тя жезлъ нарицаеть, Пречистая. Давидъ же Тя Престолъ Господень. Аввакумъ пресѣвннѣю горѣ, купину же Тя Моисей. И мы же Тя Матерь Божию нарицаем.</p>
<p>3 песнь. Тропарь: Дръжавною рѣкою и мудрыми ти словеса учаше сына Христовѣ законѣ, и людемъ възбрани не жрети идоломъ, Ольга преславная</p>	<p>Богородичен: Прителище явися неприкосновенномѣ девиче Богѣ. Темъ Тя поють ангельстии чинове, и архангели повинующеся владычице</p>
<p>4 песнь. Тропарь: Духъ Божий почи на тебѣ, яко на дво пророчи преже, имже просвѣтивъшися, укрѣше Володимера</p>	<p>Богородичен: Тя от корене носѣва процвѣтшю, Исаия яко. Богъ же рече: от тебе процветъ прозябе, прѣвоначальнаго плоть поношь, и жезлъ Божия Духа, хвалимъ Тя яко Матерь Божию и Девѣ чистѣ.</p>

⁸ Здесь и далее цитаты по изд.: Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. С. 88–94. Титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку, «а йотированное» и «юс малый» передаются буквой **я**, «е йотированное» — **е**, «омега» — **о**, «ук» — **ѹ**, «кси», «пси», «фита», «ижица» заменены соответствующими им по звучанию буквами.

В финальной девятой песни, где традиционно в жанре канона центральным образом является образ Божией Матери, св. Кирилл Туровский использует прямые текстовые совпадения в обращении к Богородице и к св. кн. Ольге: рождением Богородицей нового Адама — Иисуса Христа — избывается первая клятва старого Адама и вновь отверзаются двери рая; просвещением же Ольги и утверждением Креста на Русской земле попирается дьявол, прельстивший Еву, и **всѣмъ вѣрнымъ рай отверзѣся**. В первом случае **взыграся** Адам, во втором — **веселися** Ева. Обращение к Богородице **мы же Тобою хвалящѣся, яко Тебе ради Бога познахом, и Тя величаем** тут же дважды повторяется уже в обращении к Ольге: **мы же тобою хвалящѣся, яко тебе ради Бога познахом, съ мученики тя възвеличим**, и далее: **мы же тобою хвалящѣся, яко тебе ради Бога познахом, съ Володимеромъ тя величаем**.

Здесь же св. Кирилл Туровский объединяет все темы, звучащие в предшествующих песнях, и кратко, в пределах одного тропаря, обозначает почти весь спектр смыслов, связываемых с образом Богородицы в христианской богословской традиции: **Се церковь, се дверь, се гора Божия святая, се жезлъ и сосудъ златый, се источникъ печатлѣненъ, се райъ святыи новому Адаму, се престолъ страшенъ, се Мати Божия Пречистая, и заступница намъ. Тя величаем**. Включая образ св. кн. Ольги в этот спектр смыслов мариологического круга, гимнограф разрабатывает те же темы утверждения Церкви Божией, святой горы (**Ливанскую гору наречемъ тя**), темы источника мудрости и чистоты, отверзающихся дверей рая, заступничества и спасения роду русскому — и в связи с образом равноапостольной русской княгини.

Интересно проследить, как те же темы проявляют себя в житийной традиции Пролога, получив затем наиболее полное и определенное выражение в пространном Житии св. кн. Ольги в составе «Степенной книги».

В Прологе «русские» статьи, в том числе и краткое чтение на успение св. кн. Ольги (житие читается 11 (24) июля), появляются, вероятно, в XIII в. Большинство известных нам списков проложных житий св. Ольги XIII—XVI в. относятся к одной редакции⁹. Тема мудрости св. кн. Ольги здесь, в отличие от летописной традиции, не имеет дипломатическо-бытовой характеристики. Проложное житие полностью выпускает летописный сюжет о мести древлянам (надо отметить, что и поздние летописи его максимально сокращают), а также сватовство константинопольского императора и перебранку с греческими послами. Богомудрость, изначально данная Ольге, приводит ее к святому крещению и неразрывно связана с печалованием княгини о русских людях, прельщенных дьяволом. Богомудрость Ольги, уже принявшей крещение, проявляется в устройении Русской земли: **И обходяше всю русьскую землю, дани и уроки уставляюще, кюмиры скрушающе. Яко истинная ученица Христова, даяше милостыню вбозѣ и чади многу, аще и поганымъ даяше**¹⁰.

Как Канон св. Кирилла Туровского, так и проложные жития сопрягают идею устройства Дома-государства и идею Домостроительства Соборной Церкви, а также имя Софии-Премудрости Божией: **По семь примиши крѣстъ и прозвѣтера, и иде въ свою землю, и тѣ крѣст и до нынѣ стоитъ въ святей Софьи въ олтарѣ на деснѣи странѣ, имѣя писмена сице: обновися Русьская земля святымъ крещеньемъ, его же прия Ольга, благовѣрная княгини**. «Степенная книга» повествует также о золотом блюде, которое Ольга оставляет в дар патриарху в Софии Константинопольской. Значимость образа золота и драгоценных камней в связи с темой устройства Дома-Церкви демонстрирует тот факт, что автор «Слова о том, како крестися Ольга» в составе Киево-Печерского патерика, в основном следуя за текстом «Повести временных лет», вставляет отсутствующее в летописи упоминание о посланном патриарху золоте: **И вѣ заповѣдала Ольга, посла злато к**

⁹ К XVI в., вероятно, появляются новые варианты проложного жития, однако мы знакомы с ними только по печатным изданиям: Московские высшие женские курсы. Семинарий по древнерусской литературе. Русские статьи старейшей редакции Пролога. СПб., 1915. Т. IV. С. 2 (Пролог. Рум. 319. Л. 132); Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 538 (РГБ. Рум. № 397. Л. 380 об. [53]. XVI в.).

¹⁰ Здесь и далее, если не оговаривается цитируемый текст проложного жития, цитаты даны по списку: РНБ. СПб. ДА. А1/264 (2). Пролог. XIV—XV вв.

патриарху, а тризна не творити над собою¹¹. С одной стороны, образ драгоценных металлов и камней важен для характеристики самой св. кн. Ольги, которая в языческой Руси **аки бисеръ в калѣ, каани бо бѣша грѣху, неомовеннии святымъ крещением**¹². Но, с другой стороны, золото как светозарный металл есть символ божественного света, и в Каноне св. Кирилла Туровского мы неоднократно встречаем обращение к Богородице: «съсуд златый», **киотъ позлащенъ (Св.) Духомъ** и пр.

Тема устроения Русской земли и Церкви в тексте проложного жития находит завершение в явлении нетленных мощей св. кн. Ольги: **Нъ Богъ должника Свѣтъ створи, иже ю тако прослави и нетлѣньемъ божественое тѣло вѣнчавъ**. Домом, принявшим раку со святыми мощами, становится церковь, построенная уже св. Владимиром в честь Пресвятой Богородицы: **Послѣди же внукъ ея Володимерьъ крести всю землю и създа церковь во имя Стыя Богородица. И вземъ от земля тѣло бабы своея нетлѣно, вложи в раку древяну и постави в церкви святыя Богородица о Христѣ Исусѣ**. Более того, «Степенная книга», уточняя последовательность событий, утверждает, что нетлением мощей Бог **хотя волма прославити дивную в женахъ первозванную в Руси христороповѣдницу блаженную Олгу** именно тогда, когда кн. Владимир построил Десятинную Богородичную церковь.

Кроме того, в «Степенной книге» и в одном из списков Пролога XVI в. идея церковного строительства получает развитие в эпизоде с пророческим видением на берегу Плесковы реки «**лучю трисиятельного Божества**» и построением на этом месте церкви Св. Троицы: **...и на месте том крест постави, крест же той стонт и до сего дни в память Святыя. Святая же пророчески глагола бояром своим и рече: На месте сем будет церковь Святыя Троицы; град же будет велик и славен zelo и изобилна в нем будетъ многа**¹³. Здесь вновь соединяются мотивы богатства, света, Божественного знания и Церкви. В том же списке Пролога и в «Степенной книге» мотив божественного света звучит в пространном описании раки с нетленными мощами, которые **светяшеся, яко солнце**, видные сквозь сделанное в раке «оконце». Образ оконца, отверзающегося для тех, кто приходит ко гробу св. Ольги с верою, но закрытого **не с верою приходящим**, подобен, на наш взгляд, отверзающимся дверям рая в Каноне св. Кирилла Туровского.

Таким образом, темы Божественной Мудрости, драгоценного света, домостроительства Церкви-Земли Русской, отверзающихся дверей рая для новопросвещенного народа — нового Израиля, разрабатываемые агиографической традицией, включают образ св. кн. Ольги в круг символично-прообразовательных смыслов, связанных с образом Богородицы.

Житие св. кн. Ольги в составе «Степенной книги» так же, как «Канон» св. Кирилла Туровского, предельно определенно проводит промыслительную линию от Евы, лишившей человечество **райския породы**, к Богородице, которой **жизнь бесконечная всему миру процветѣ**, к женам мироносицам, первыми возвестившим о Воскресении Христове, и, наконец, к св. кн. Ольге: **Якоже древле от жены преступление бысть, послѣди же от жены и спасение бысть. Тако и нынѣ в нашей Русстей земли женою первие обновихомся во благочестие**...¹⁴. Автор Жития уделяет особое внимание сотериологической роли св. Ольги, называя ее залогом спасения русского народа («**О чадо Богоизбранное, виновная спасению русскому роду**») и добавляя в сюжетное повествование о спасении Киева от печенегов (основанное на тексте «Повести временных лет») мотив молитвенного заступничества св. Ольги: **...яко же и праведную Олгу храняй Богъ внят молитве ея и покрываше ю от всякого зла и не предасть града Киева противным**. Данный мотив может быть соотнесен с идеей Покрова Богородицы, ее защиты, даруемой царственному граду. В целом поэтика

¹¹ Цитата по списку: РНБ. Соф. 1365. Патерик преподобных отец. XIV–XV вв. Л. 137.

¹² Там же.

¹³ Цит. по: Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 538 (РГБ. Рум. № 397. Л. 380 об.[53]. XVI в.).

¹⁴ Из Степенной книги царского родословия. С. 374.

пространного жития дает, на наш взгляд, основание провести параллели с богородичными праздниками Покрова, Успения и Благовещения, а также праздником Рождества Христова. Кроме имевшего место еще в «Повести временных лет» возгласа **Благословена ты в женахъ рускихъ**, с семантикой праздника Благовещения текст пространного жития связывает постоянно повторяющийся мотив победы света над тьмою. В «Слове похвальном на Благовещение» св. Иоанна Златоуста, включенном в состав Великих Миней четых митрополита Макария, мотив воссиявшего Солнца праведного (Ин. Гл. 1; 8; 12), просвещающего все и прогоняющего тьму, также является центральным.

В связи с мотивом света обращает на себя внимание то, что, кроме традиционного (начиная с «Повести временных лет») трехчленного сравнения св. Ольги с денницей, луной и зарей, предвещающей свет солнца, в пространном житии встречается еще одно сравнение только со звездой, отгоняющей ночную тьму неверия: **Олга вѣроу свѣтяшеса, глѣвокую ноци тмѣ невѣрия отгоняя, яко пресвѣтлая звезда пред солнцемъ грядый...** Образ звезды может быть соотнесен с рождественской Вифлеемской звездой, тем более что отзвуки рождественских богослужебных чтений слышны и в других эпизодах Жития, например в обращении к Пскову: **Блажен и преблажен Богом препрославленный граде Пскове, яко всеи силный Богъ отъ страны твоея произведе и породи намъ таковой чудный плодъ благоцветущий, блаженную Олгу** (ср.: И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля (Мф. 2: 6)); или во вступлении к Житию: **Не ходатай во, ни ангелъ, ни апостоли, ни пророцы, ни учителя и изрядни, ни книжници премудри, ни вѣтви словесни научиша ны в познание таковыя превеликия божественныя благодати, но Самъ Господь Исусъ Христосъ, яко вѣсть Своим неизреченнымъ промысломъ конечное Свое милосердие, богато хотя излияти в Русстей земли** (ср. Послание ап. Иакова. Гл. 4). В свете рождественских текстов и упоминание в «Степенной книге» императора Августа, к которому возводится род русских князей Рюриковичей, может трактоваться не только как воплощение политической идеи самодержавия, но и как экзегетическое истолкование русской истории, как включение истории нового христианского народа в контекст Священной истории.

Промыслительность образа св. кн. Ольги и ее равноапостольного подвига подчеркивается в «Степенной книге» и разработанной числовой символикой. В проложных житиях указывается возраст кн. Ольги — 75 лет, в «Повести временных лет» — 3 дня, прошедшие от ее последней беседы с сыном до успения. В «Степенной книге» добавляются еще и указания на 10 лет между гибелью Игоря и крещением Ольги, на 30 лет между погребением и обретением нетленных мощей и, наконец, 15 лет земной жизни кн. Ольги после принятия крещения (число 15 также можно увидеть в числе 75 (5x15)). Сакральная семантика числа 15 вполне определенно связывается в христианской книжности с образом Богородицы¹⁵, что еще раз подтверждает внутреннюю связь образа святой с образом Божией Матери. Эта близость проявляет себя в особом отношении к кн. Ольге как залого спасения русского народа и объясняет особое положение ее жития в композиционной структуре «Степенной книги».

¹⁵ Большинство средневековых авторов сходятся в том, что 15 лет — это возраст, в котором Дева Мария родила Иисуса Христа, и время, которое Она прожила на земле после Его Вознесения. См.: Кириллин В. М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI—XVI века). СПб., 2000.